

О паломничествѣ въ Іерусалимъ въ библейское время.¹⁾

По ветхозавѣтному закону каждый, принадлежащій къ обществу народа Божія, три раза въ годъ долженъ былъ являться къ храму. „Три раза въ году“, предписывается во Второзаконіи, „весь мужескій полъ долженъ являться предъ Лицо Господа Бога Твоего на мѣсто, которое избересть Онъ: въ праздникъ опрѣсноковъ, въ праздникъ седмицъ и въ праздникъ Кущей; и никто не долженъ являться предъ Лице Господа съ пустыми руками, но каждый съ даромъ въ рукъ, смотря по благословенію Господа Бога Твоего, какое Онъ далъ“ (Втор. 16, 16—17). Приведенный законъ, какъ видно, говоритъ только о мужчинахъ и отъ нихъ собственно требуетъ путешествія къ храму. Но нельзя допустить, чтобы законъ повелѣвалъ отцамъ семействъ оставлять свои семейства въ великіе праздники и имъ однимъ являться къ святилищу. Безъ сомнѣнія, законъ говоритъ только о мужчинахъ потому, что на нихъ лежала главнымъ образомъ ответственность за неисполненіе предписаній. Ходили же въ Іерусалимъ на праздники не только мужчины, но и женщины и вообще цѣлыя семейства. „Каждый годъ“, замѣчаетъ св. Лука объ отрокѣ Іисусѣ, „родители Его ходили въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи. И когда Онъ былъ двѣнадцати лѣтъ, пришли они также по обычаю въ Іерусалимъ на праздникъ“ (Лк. 2, 41—42). Разумѣется, нельзя представлять дѣло такъ, чтобы въ силу приведеннаго закона на праздники вся страна собиралась въ Іерусалимъ и

¹⁾ Рѣчь въ собраніи Кіевского Отдѣла Православнаго Палестинскаго Общества.

всѣ остальные города и селенія пустыли. Полностью весь народъ собирался на праздники около святилища только во время странствованія по пустынѣ. Впослѣдствіи же, съ расселеніемъ народа, приведенный законъ понимался въ томъ смыслѣ, что всему народу необходимо на праздники имѣть въ Іерусалимѣ представителей за себя въ лицѣ старѣйшинъ. Однако на Пасху этимъ не ограничивались. Суть празднованія Пасхи составляло вкушеніе пасхальнаго агнца. А это могло быть только въ Іерусалимѣ, такъ—какъ пасхальный агнецъ явился жертвой, жертвы же внѣ Іерусалима не могли приноситься. Вотъ почему благочестивые люди не довольствовались тѣмъ, что при храмѣ есть представительство отъ нихъ, но считали долгомъ лично явиться въ Іерусалимъ на праздникъ. Свободными отъ обязанности посѣщенія св. города признавались только тѣ, которые не могли его исполнить, напр., слѣпые, хромые, слабые старики, пораженные тяжелой болѣзью или находящіеся въ состояніи продолжительной нечистоты. Въ позднѣйшее время законъ считали обязательнымъ и для малолѣтнихъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые не могутъ еще взойти на храмовую гору, „держась за руку отца“ (Chagiga 1, 1) При этомъ, путешествіе въ Іерусалимъ вызывалось не только желаніемъ наиболѣе торжественно отпраздновать праздникъ, но и необходимостью исполнить предъ храмомъ разныя обязательства—жертвы, обѣты, доставленіе десятинъ, первороднаго и пр. Все это обыкновенно откладывалось къ празднику (Проф. А. А. Олесницкій)..

Обязанность посѣщенія Іерусалима въ великіе праздники исполнялась не только жителями Палестины, но и тѣми Іудеями, которые жили въ дали отъ родной страны и въ разныхъ концахъ свѣта. Разумѣется, дороговизна путешествія дѣлала его доступнымъ не для всѣхъ. Изъ жившихъ въ разсѣянн въ Іерусалимъ могли являться люди богатые (Pesach. V, 7) или по крайней мѣрѣ состоятель-

ные. Но такихъ находилось не много. Поэтому оказалось, что въ день Пятидесятницы, когда совершилось сошествіе св. Духа на апостоловъ, въ Іерусалимѣ, по свидѣтельству Дѣяній (2, 9—11), были „Парояне и Мидяне и Еламиты, и жители Месопотаміи, Іудеи и Каппадокіи, Понта и Асіи, Фригійи и Памфилиі, Египта и частей Ливіи прилежащихъ къ Кириней и пришедшіе изъ Рима“. Равнымъ образомъ, Флпонтъ сообщаетъ, что „многія тысячи изъ многихъ тысячъ городовъ путешествовали къ храму на каждый праздникъ,—одни сухимъ путемъ, другіе по морю,—съ востока и съ запада, съ сѣвера и юга“ (De Monarch. II, 1).

Число богомольцевъ, собиравшихся къ праздникамъ въ Іерусалимъ, было очень велико. „Однажды царь Агриппа“, рассказываетъ преданіе, „захотѣлъ узнать, сколько народонаселенія (въ Израилѣ). Онъ сказалъ священникамъ: отдѣлите для меня по одной почкѣ отъ каждой пасхальной жертвы. Они отдѣлили ему шесть сотъ тысячъ паръ почекъ—вдвое болѣе противъ числа евреевъ, вышедшихъ изъ Египта; а въ каждой пасхальной жертвѣ участвовало не менѣе десяти человѣкъ и сюда не вошли еще находившіеся въ дальней дорогѣ и нечистые. Въ этотъ день храмовая гора не могла вмѣстить всѣхъ вошедшихъ евреевъ, и Пасха была названа „пасха раздавленныхъ“ (Pesachim fl. 64, 6. Переферковичъ, т. 2, стр. 224). По этому свидѣтельству выходитъ, что къ Пасхѣ въ Іерусалимъ собралось болѣе 12 милл. Другое свидѣтельство о числѣ Іерусалимскихъ богомольцевъ мы имѣемъ у Іосифа Флавія. (Проконсулъ) „Цестій, чтобы показать Нерону, считавшему іудейскій народъ совсемъ малозначущимъ, какъ велика степень процвѣтанія города, поручилъ первосвященнику по возможности привести въ извѣстность численность населенія. Такъ какъ тогда наступилъ праздникъ Пасхи, когда отъ 9 до 11 часа приносятъ жертвы, а вокругъ каждой жертвы собирается общество изъ цѣляти человѣкъ по меньшей мѣрѣ, но часто и

изъ двадцати (ибо одному нельзя поѣдать эту жертву), такъ считали жертвы, и изъ оказалось 256500. Если положимъ на каждую жертву только по десяти участниковъ, то получимъ 2700000, и то исключительно чистыхъ и освященныхъ, ибо прокаженные, одержимые сѣмлетченіемъ, женщины, находившіяся въ періодѣ мѣсячнаго очищенія, и вообще нечистые не допускались къ участию къ этой жертвѣ, равно какъ и являвшіеся для поклоненія не іудеи¹⁾.

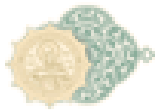
Эти извѣстія, несомнѣнно, преувеличены. По свидѣтельству того же І. Флавія, Іерусалимъ его времени занималъ площади въ 33 стадіи или около 2 квадр. верстъ. При такихъ размѣрахъ города въ немъ, конечно, не могло помѣститься не только тѣхъ 12 милл., о которыхъ говоритъ преданіе, но и тѣхъ 2¹/₂ милл., которые называетъ І. Флавій. Равнымъ образомъ, такого количества жертвъ, какое указываетъ І. Флавій (256 тыс.), нельзя было принести не только вслѣдствіе краткости времени, но и вслѣдствіе малыхъ размѣровъ храмоваго двора, гдѣ закалались пасхальные агнцы.

Принимая во вниманіе положеніе храма и условія жертвоприношенія, полагаютъ, что число пасхальныхъ агнцевъ, закалавшихся въ послѣдній вечеръ, не превышало 1000. По закону, пасхальнаго агнца нужно было ѣсть въ концѣ пасхальной вечера и для исполненія закона достаточно было съѣсть кусокъ съ оливу или съ половину яйца. Въ такомъ случаѣ одного агнца могло хватить на сто-полтора-ста человекъ. И если закалалось 1000 агнцевъ, то, значить, число богомольцевъ простиралось до 200 тыс.²⁾.

Если мы примемъ во вниманіе, что въ обычное время населеніе древняго Іерусалима не превышало 50—60 тысячъ, то указанную цифру богомольцевъ, собиравшихся на

1) В. Іуд. VI, 9. 3. Перев. Я. Э. Чертка. СПб. 1900. стр. 485.

2) Chwolson, Passahmal Christi 1892. 52—54.

праздники, нельзя не назвать очень большою. Городъ въ дни великихъ праздниковъ, дѣйствительно, былъ „набитъ“ людьми, какъ выражается І. Флавій. Во всякомъ случаѣ, эта цифра во много разъ превышаетъ ту, которой опредѣляется число богомольцевъ Іерусалимскихъ въ настоящее время.

Современное паломничество въ Іерусалимъ вызвало къ бытію цѣлый рядъ своеобразныхъ учреждений и агентствъ, создало особыя заботы, которыя распредѣлили между собою различныя палестинскія общества.

Нѣчто подобное было и въ періодъ библейскій. Еще за мѣсяцъ до начала Пасхи предпринимался рядъ мѣръ для облегченія пути многочисленнымъ богомольцамъ. Именно, поправлялись дороги, очищались конодцы и водоемы. Особенныхъ заботъ требовало огражденіе богомольцевъ отъ оскверненій въ пути, потому что оскверненіе лишало права принять участіе въ праздникѣ.

Главная опасность оскверненія состояла въ томъ, что вблизи дорогъ находились гробницы и надгробные камни, къ которымъ можно было прикоснуться. Предъ праздниками всѣ эти гробницы бѣлились извѣстью, чтобы путники могли замѣтить ихъ издали и избѣжать печальнаго прикосновенія къ нимъ. На ряду съ этимъ и въ самомъ Іерусалимѣ, а также въ храмѣ, шли приготовленія къ встрѣчѣ многочисленныхъ богомольцевъ.

Слѣдующей заботой о предстоящемъ праздникѣ было извѣщеніе страны о самомъ днѣ праздника. Для этого тщательно слѣдили за моментомъ появленія новой луны мѣсяца Нисана. Затѣмъ синедріонъ разсылалъ по всей странѣ особыхъ пословъ съ извѣщеніемъ о томъ, съ какого дня нужно считать начало мѣсяца Нисана и на какой день падаетъ Пасха. Вмѣстѣ съ этимъ старались дать знать о днѣ пасхальной луны тѣмъ, которые жили на Евфратѣ. Съ этою цѣлью въ моментъ, когда появлялась новая луна, на Елеонской горѣ зажигали огни. Тотчасъ же

внимательно слѣдившіе стражи зажигали костры на другихъ горахъ, и такъ до самой Вавилоніи посредствомъ костровъ давали знать о наступленіи новолунія пасхальнаго мѣсяца. Между тѣмъ, въ ожиданіи великаго праздника приходила въ движеніе и вся страна, и всюду начинались приготовленія къ путешествію въ св. городъ.

Свой путь въ св. градъ богомольцы блблейскаго времени располагали такъ, чтобы придти въ городъ за нѣсколько дней до праздника. Это вызывалось не только простымъ желаніемъ найти легче для себя помѣщеніе, но и другими болѣе важными соображеніями. Въ пути можно было легко оскверниться и потерять право участвовать въ празднествѣ. И вотъ, каждый рассчитывалъ придти въ городъ поранѣе, чтобы въ случаѣ оскверненія успѣть еще до праздника очиститься (Іоан. 11, 55). Особенно важно это было для тѣхъ, которые жили внѣ Палестины, такъ какъ они, проходя по языческимъ странамъ, легче всего могли подвергнуться оскверненію.

Всякое болѣе или менѣе продолжительное путешествіе въ Палестинѣ не легко и теперь. Еще больше трудностей и неудобствъ заключало оно въ древности. Палестина имѣетъ гористый характеръ и представляетъ рядъ горныхъ цѣпей, прерывающихся крутыми спусками. Дороги древней Палестины—это тропинки, протоптанныя на скользкихъ скалахъ и на пескѣ, нерѣдко загроможденныя камнями и кустами терновника. Эти тропинки доступны были только для пѣшехода и для верховыхъ ѣздоковъ, и путь по нимъ представлялъ большія трудности. При этомъ въ вопросѣ о провизіи, о ночлегѣ—путникъ долженъ былъ рассчитывать только на себя. „Современный арабъ странствуетъ нынѣ въ пустынѣ съ небольшими запасами. Онъ отправляется въ путь съ двумя мѣхами на плечахъ: въ одномъ налита вода, а другой наполненъ ячменной мукою. Останавливаясь для ночлега, арабъ собираетъ вѣтки и корни можжевеловыхъ и дру-

гихъ кустарниковъ и зажигаетъ ихъ на плоскихъ камняхъ при помощи кремня и огня, которые онъ всегда носитъ съ собою; потомъ беретъ горсть муки, мѣситъ ее съ водою, затѣмъ кладетъ тѣсто на горячіе камни, и лепешка скоро испечена“¹⁾).

Въ глубокой древности также должно было брать все необходимое въ пути съ собою. Въ кн. Судей о левитѣ, путешествовавшемъ изъ Виедеема на гору Ефремову, сообщается, что онъ имѣлъ съ собою „солому и кормъ для ословъ, а также хлѣбъ и вино для себя, для жены и для слуги“ (19, 19). О гостинницахъ, гдѣ путники могли бы найти отдыхъ, впервые упоминаются только во времена новозавѣтныя, въ известной притчѣ о милосердіи самарянинѣ (Лук. 10, 34). Это уже не учрежденіе еврейское, а заимствованное, какъ и самое слово для его обозначенія. Если въ древнѣйшее время и могли существовать какія-либо учрежденія для путешественниковъ, то они были близки къ теперешнимъ ханамъ. Это обширныя пустыя постройки, окружающія дворъ: здѣсь путникъ могъ получить пристанище на ночь, но никакіе припасы здѣсь не продавались.

Кромѣ неудобствъ, далекій путь представлялъ и большія опасности. Вообще, по древнему понятію, кто оставлялъ свой домъ и семью, тотъ вмѣстѣ съ этимъ терялъ часть своихъ человѣческихъ правъ и сходилъ на положеніе *гер'а* или пришельца, благосостояніе и жизнь котораго исключительно зависѣли отъ милости тѣхъ, среди которыхъ онъ находился. На ряду съ этимъ, дороги были не безопасны отъ разбойниковъ, которые могли ограбить и изранить, какъ это случилось, по разсказу евангельской притчи о милосердіи самарянинѣ, съ человѣкомъ, шедшимъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ. Вслѣдствіе этого, путешествія въ древнее время предпринимались вообще очень рѣдко, по мотивамъ

---

1) Тристамъ. Обычаи восточныхъ странъ, 28—29.

ковъ продъ лицемъ Своимъ; и они пошли въ селеніе самарянское, чтобы приготовить для него: но тамъ не приняли Его, потому-что Онъ имѣлъ видъ путешествующаго въ Іерусалимъ. Видя то, ученики Его Іаковъ и Іоаннъ сказали: Господи! хочешь ли мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ, какъ и Ілія сдѣлалъ? Но Онъ, обратившись къ нимъ, запретилъ имъ и сказалъ, не знаете, какого вы духа, ибо Сынъ Человѣческій пришелъ не губить души человѣческія, а спасать. И пошли въ другое селеніе" (Лук. 9, 51—56).

Въ приведенномъ фактѣ непріязнь самарянъ къ Іерусалимскимъ богомольцамъ выразилась только отказомъ въ гостепріимствѣ. Но не рѣдко дѣло заходило гораздо дальше, и на почвѣ праздничныхъ паломничествъ возникали событія, въ которыхъ втягивалась вся страна. Іудейскій историкъ І. Флавій сообщаетъ напр., что въ правленіе Кумана партія Галилеянъ, проходившая въ Іерусалимъ на праздникъ пасхи, подверглась нападенію со стороны жителей самарской деревни Гинеи. Многие изъ путешественниковъ, при этомъ, были убиты. Возмущенные насиліемъ, Галилейскіе старѣйшины обратились къ прокуратору съ просьбой объ отмщеніи. Но Самаряне успѣли предупредить ихъ: они подкупили Кумана, и онъ оставилъ жалобу Галилеянъ безъ послѣдствій. Въ Галилеѣ вспыхнуло возстаніе, къ которому примкнули и іудеи. Мятежники взяли за оружіе и, во главѣ съ Елеазаромъ, бывшимъ разбойникомъ, начали грабить и жечь самарянскія деревни, расположенныя въ Акраббимскомъ округѣ. Возстаніе грозило принять широкіе размѣры и перейти въ возмущеніе противъ римлянъ. Энергичными дѣйствіями прокуратора возстаніе скоро было прекращено. Послѣ этого въ странѣ начались разбои, отъ которыхъ много страдали Самаряне. Тогда послѣдніе обратились съ жалобой къ намѣстнику, сѣгую на то, что своеволіемъ іудеевъ оскорбленъ римскій народъ. Въ свою очередь жаловались намѣст-

нику и іудеи, выставляя зачинщиками мятежа Самарянъ и обвиняя прокуратора въ томъ, что онъ былъ подкупленъ Самарянами. Намѣстникъ рѣшить дѣло въ пользу Самарянъ, присудивъ къ распятію на крестѣ зачинщиковъ безпорядковъ изъ іудеевъ, а проконсула отослать въ Римъ на судъ императора, обвинивъ его въ небрежности. Дѣло далѣе разбиралось въ Римѣ. Но здѣсь уже оно рѣшено было въ пользу іудеевъ, и виновные изъ Самарянъ были наказаны смертію (Древн. XX, 6, 1; В. Іуд. 11, 12, 3).

Возможность отмѣченныхъ фактовъ, естественно представляла галилейскихъ паломниковъ обходить негостепріимную страну и идти въ Іерусалимъ окольнымъ, болѣе далекимъ путемъ. Они шли по восточному берегу Іордана, переходили рѣку около Іерихона и входили въ св. городъ со стороны Елеонской горы. Такимъ окольнымъ путемъ, какъ видно изъ евангелій, шелъ на послѣднюю Пасху и Господь съ своими учениками (Мѣ. 20, 17—19; Мр. 10, 32—34. Лк. 18, 31—34).

Большимъ опасностямъ подвергались также во время праздничныхъ путешествій тѣ партіи, которыя несли въ храмъ Божій суммы денегъ. Дѣло въ томъ, что положенные на храмъ денежные сборы, а также обращавшіеся въ деньги сборы натурой, изъ далеко отстоявшихъ отъ Іерусалима мѣстъ доставлялись обыкновенно на праздники. Напр., жившіе въ Вавилонѣ іудеи обыкновенно вносили положенныя подати въ городахъ Нехардеѣ и Низибинѣ. Отсюда уже, когда денегъ набиралось много, онѣ отправлялись въ Іерусалимъ съ довѣренными лицами. Объ этихъ транспортныхъ хорошо были освѣдомлены пареянскіе разбойники и не рѣдко дѣлали на нихъ нападенія. Въ предупрежденіе этихъ нападений паломническіе караваны, шедшіе въ Іерусалимъ изъ Вавилона, составлялись такъ, что въ нихъ, по свидѣтельству І. Флавія, входили многія тысячи (Древн. XVIII, 9, 1).

Но, разумѣется, паломничество въ Іерусалимъ на великіе праздники представляло не одни только трудности. Оно заключало въ себѣ и много отраднaго, успокаивающаго и возвышающаго душу. Положенныя въ законѣ путешествія въ Іерусалимъ, особенно пасхальное, падали на такіе періоды года, когда земля Обѣтованная представляетъ взору путника рядъ очаровательныхъ картинъ, когда поля ея покрывались созрѣвающимъ хлѣбомъ, на склонахъ горъ зеленѣли виноградные сады, фиговые и оливковые рощи, а въ долинахъ пестрѣли разнообразныя цвѣты. Народъ въ эти періоды обыкновенно бывалъ свободенъ отъ работъ и съ легкой душой могъ отдаться праздничному настроенію. А впереди была для каждаго высокая цѣль—увидѣть храмъ великаго Бога, святой городъ Іерусалимъ, считавшійся однимъ изъ лучшихъ городовъ міра, и слиться въ одномъ чувствѣ со всемъ народомъ. Поэтому предписанныя закономъ, представлявшія не мало трудностей, паломничества не только не считались бременемъ, а, напротивъ, вносили свѣтъ и радость въ народную жизнь. Это радостное настроеніе, наполнявшее души шедшихъ въ Іерусалимъ, ярко отразилось въ такъ назыв. „пѣсняхъ восхожденія или степеней“,—въ рядѣ псалмовъ, воспѣвавшихся Іерусалимскими пилигриммами (Ис. 119—133). Выражая общее народное чувство, псалмопѣвецъ говоритъ: „Возрадовался я, когда сказали мнѣ: пойдемъ въ домъ Господень. Вотъ, стоятъ ноги наши во вратахъ твоихъ Іерусалимъ,—Іерусалимъ, устроенный, какъ городъ, спящий въ одно, куда восходятъ колѣна Господни, по закону Израилеву, славить имя Господне. Просите мира Іерусалиму: да благоденствуютъ любящіе тебя! Да будетъ миръ въ стѣнахъ твоихъ, благоденствіе въ чертогахъ Твоихъ!“ (Ис. 121, 1—7). Эти радостныя чувства, конечно, съ особенной силой выступали въ тотъ моментъ, когда предъ взоромъ усталыхъ путниковъ открывался, наконецъ, священный городъ съ своими башнями, съ замо-

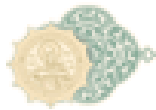
ченой кровлей храма, съ его колоннадой и портиками. Чтобы представить себѣ эти чувства, нужно вспомнить, что такое былъ Іерусалимъ для вѣрныхъ читателей Господа. Для нихъ это былъ святой городъ, въ которомъ обиталъ самъ Богъ, въ которомъ откроется нѣкогда во славу Царство Божіе, ожидавшееся тысячелѣтія. Библейскія книги полны изліяній самыхъ восторженныхъ, самыхъ благоговѣйныхъ и нѣжныхъ чувствъ къ Іерусалиму. Сколько, напр., любви слышится въ словахъ Господа, обращенныхъ къ св. городу: „Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько разъ хотѣлъ Я собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли“ (Мо. 23, 37). Пророки и псалмопѣвцы всѣ лучшія надежды избранниковъ Божіихъ связывали именно съ Іерусалимомъ. „Надъ тобою“, говорилъ Ісаія, „возсѣнетъ Господь, и слава Его явится надъ тобою. И прійдутъ народы къ свѣту твоему и цари къ восходящему надъ тобою сіянію. И прійдутъ къ тебѣ съ покорностью сыновья угнегавшихъ тебя и падутъ къ стопамъ ногъ твоихъ всѣ презиравшіе тебя и назовутъ тебя городомъ Господа, Сіономъ Святаго Израилева. Въмѣсто того, что ты былъ оставленъ и ненавидимъ, такъ-что никто не проходилъ чрезъ тебя, Я содѣлаю тебя величіемъ на вѣки, радостію въ роды родовъ. Ты будешь насыщаться молокомъ народовъ и груди царскія сосать будешь, и узнаешь, что Я Господь—Спаситель Твой и Искупитель твой, Сильный Іаковлевъ. Не будетъ уже солнце служить тебѣ свѣтомъ дневнымъ и сіяніе луны свѣтитъ тебѣ; но Господь будетъ тебѣ вѣчнымъ свѣтомъ и Богъ твой славою твоею. И увидятъ народы правду твою и всѣ царя славу твою, и назовутъ тебя новымъ именемъ, которое нарекутъ уста Господа. И будешь вѣнцомъ славы Господа и царскою діадемою на длани Бога твоего“ (Ис. 60, 62). „Іерусалимъ“ говоритъ другой писатель, „отстроено будетъ изъ саффира и

смарагда, и изъ дорогихъ камней; стѣны твои, башни и укрѣпленія—изъ чистаго золота; и площади Иерусалимскія выстланы будутъ берилломъ, аметистомъ и камнемъ изъ Офира. На всѣхъ улицахъ его будетъ раздаваться аллилуія, и будутъ славословить, говоря: благословенъ Богъ, который превознесъ Иерусалимъ на всѣ вѣки“ (Тов. 13, 16—19).

Такія надежды и чувства раздѣлялись большею частью народа.

Скопленіе въ Иерусалимѣ въ великіе праздники многочисленныхъ богомольцевъ налагало свою особую печать на городъ и вліяло сильно на городскую жизнь. Не только религиозный долгъ, но и чисто практическіе интересы, связанные съ количествомъ паломниковъ, заставляли постоянныхъ жителей города и городскую администрацію позаботиться относительно пришельцевъ. Изъ евангелія мы знаемъ, что когда Іуда возвратилъ 30 сребренниковъ, полученныхъ имъ за предательство, то первосвященники купили на нихъ участокъ земли для погребенія странниковъ (Мат. 27, 4—9). Изъ другихъ данныхъ видно, что вблизи храма былъ устроенъ для богомольцевъ рядъ гостинницъ. По крайней мѣрѣ, одинъ ворота храма назывались *Копоносъ* или „ворота гостинницъ“. По мнѣнію проф. А. А. Олесницкаго, та камера, которую открылъ на площади Харама Варренъ и которая называется теперь Масонскою залою, была гостинницей еще перваго Иерусалимскаго храма. По мнѣнію того же профессора, въ подвалахъ храма были вообще приспособлены помѣщенія для дароваго приюта бѣдныхъ богомольцевъ ¹⁾. Кромѣ того, всякій изъ горожанъ, у кого имѣлась свободная комната въ домѣ, обыкновенно приготовлялъ ее по закону для праздничнаго торжества пришельцевъ и предоставлялъ въ ихъ пользованію. Въ евангеліи сообщается, что когда предъ своими страданіями Господь Іисусъ Хри-

¹⁾ Ветхозавѣтный храмъ, стр. 713.

стосѣ пожелалъ совершить Пасху съ учениками, то Онъ послалъ Петра и Іоанна въ городъ, сказавъ имъ: „вотъ при входѣ вашемъ въ городъ встрѣтятся съ вами челоѣкъ, но сущій кувшинъ воды; послѣдуйте за нимъ въ домъ, въ который войдетъ онъ, и скажите хозяину дома: Учитель говоритъ тебѣ: гдѣ комната, въ которой-бы Мнѣ бѣть пасху съ учениками Моими? И Онъ покажетъ вамъ горницу большую устланную; тамъ приготовьте. Они пошли и нашли, какъ сказалъ имъ, и приготовили пасху“ (Лук. 22, 7—13).

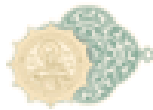
Но количество богомольцевъ, собиравшихся въ древній Іерусалимъ на праздники было такъ велико, что для всѣхъ помѣщенія въ городѣ не могло хватить. Многіе поэтому устраивались за городскими стѣнами въ наскоро сдѣланныхъ изъ вѣтвей и дыновокъ шалахахъ. Бѣдняки ютились даже просто въ окаймлявшихъ городъ садахъ, подъ прикрытіемъ деревьевъ. Во время земной жизни Господа, склоны горы Еленской, почти обнаженные теперь, были покрыты маслячными садами. Эти сады принадлежали храму и были открыты для общаго пользованія. Въ нихъ то, несмотря на довольно прохладную погоду, и ютились богомольцы. Здѣсь же, по свидѣтельству евангелій, предъ своими страданіями находилъ кровь для Себѣ и Господъ Іисусъ Христосъ. „Днемъ Онъ училъ въ храмѣ“, говоритъ евангелистъ, „а ночи, выходя проводилъ на горѣ, называемой Елеонскою“ (Лк. 21, 37). Что побуждало Господа проводить здѣсь ночи, евангелистъ не указываетъ „При всякомъ удобномъ случаѣ“, замѣчаетъ одинъ авторъ, „Онъ удалялся за городскія ворота—частію быть можетъ для безопасности, частію по бѣдности, частію потому что Онъ чувствовалъ болѣе мирной радости въ душѣ когда ступалъ по травѣ, растущей на горахъ, чѣмъ по жесткимъ городскимъ камнямъ, и высшимъ блаженствомъ для него было общеніе съ Отцомъ Небеснымъ подъ тѣнію мисличныхъ деревъ, гдѣ, вдали отъ людскаго шума и возмутительныхъ зрѣлищъ, Онъ мирно могъ наблюдать за чуд-

ной красой заходящаго солнца и чувствовать осязжающую сладость осядающей росы“¹⁾. Повидимому, на горѣ Елеонской, въ Геоемманіи, у Господа Іисуса Христа было опредѣленное мѣсто, гдѣ Онъ, во время пребыванія на праздникахъ, располагался на ночлегъ вмѣстѣ съ учениками. Мѣсто это хорошо было извѣстно предателю Іудѣ и сюда именно привелъ онъ стражу первосвященническую, чтобы взять Господа.

Кромѣ заботъ о помѣщеніи, скопленіе въ Іерусалимѣ богомольцевъ вызывало, конечно, и заботы о пропитаніи ихъ. Іерусалимъ былъ въ древности очень бѣденъ продуктами своего производства. Даже въ обычное время онъ не могъ прокормиться только тѣмъ, что получалось съ прилегающихъ къ городу садовъ, полей и пастбищъ. Поэтому паломники старались обыкновенно дома запасти съ собою въ такомъ количествѣ, чтобы ее хватило на все время пребыванія въ Іерусалимѣ. Но, разумѣется, это не для всѣхъ было удобно, и вотъ необходимость удовлетворенія продовольственныхъ нуждъ паломниковъ сдѣлала изъ Іерусалима одинъ изъ крупныхъ центровъ торговли. Къ праздникамъ въ городъ пригонялись стада овецъ и воловъ, привозились съ финикійскаго берега и изъ Египта транспорты сухой рыбы, удобной въ дорогѣ, и т. п.

Но особенно важно было, конечно, для Іерусалимской администраціи удовлетвореніе религіозныхъ нуждъ богомольцевъ, такъ-какъ цѣль прибытія ихъ въ Іерусалимъ прежде всего была религіозная. Всѣ пришедшіе должны были вкушать пасхальнаго агнца, закалывающагося въ храмѣ въ пасхальный вечеръ. Затѣмъ, многіе приносили разнаго рода жертвы, положенныя по закону. Наконецъ, всѣ должны были внести опредѣленную закономъ подать на храмъ. Въ древнѣйшее время на помощь народу въ этомъ случаѣ при-

¹⁾ Фарраръ, Жизнь Іисуса. Стр. 367. СПб. 1885.

ходили цари, предоставляя матеріаль для жертвъ изъ своихъ средствъ. Въ библии сообщается, что во время празднованія Пасхи при Езекин царь „выставилъ для собравшихся тысячу тельцовъ и десять тысячъ мелкаго скота“. Столько же выставили по примѣру царя, и вольможи (2 Пар. 30, 24). При царѣ Іосіи изъ царскаго имущества было отпущено на праздникъ Пасхи народу тридцать тысячъ мелкаго скота и три тысячи воловъ. Кромѣ того, 2600 шт. мелкаго скота и 300 воловъ было дано народу отъ князей (2 Пар. 35,6—9). Въ болѣе позднее время подобныя щедрыя пожертвованія прекратились, и матеріаль для жертвоприношеній покупался самимъ народомъ. Поэтому къ праздникамъ въ Іерусалимъ пригонялись цѣлыя стада мелкаго скота и воловъ. Недалеко отъ храма, на горѣ Елеонской, кромѣ того, устроены были голубятни, въ которыхъ разводились голуби для жертвоприношеній бѣдныхъ людей.

Вблизи храма также разставлены были столы мѣновщиковъ для размѣна иностранныхъ денегъ, такъ-какъ вносимая каждымъ подать на храмъ должна была, по закону, вноситься только іудейскою монетою.

Торговля и денежныя операціи, усилившіяся по необходимости именно въ дни великихъ праздниковъ, конечно, не могли не нарушать святости дней. Но въ послѣдніе годы жизни Іерусалима она приняла такой характеръ, который вызывалъ горячее негодованіе у всѣхъ искреннихъ ревнителей закона. Алчные первосвященники взяли торговлю предметами, необходимыми для жертвоприношенія, въ свои руки и пользовались ею съ цѣлью наживы. Напр., фамилія упоминаемаго въ евангеліяхъ первосвященника Анны содержала на склонахъ Елеонской горы свои голубятни и искусственнымъ образомъ такъ подняла цѣну на голубей, что жертва эта, назначенная спеціально для бѣдныхъ, сдѣлалась тяжелымъ бременемъ.

Но это не ограничивалось этимъ. Въ цѣляхъ наживы старались использовать для торговли дворы самаго храма. И вотъ, предъ праздниками въ оградѣ храма дѣлалось то, что происходило, по свидѣтельству языческихъ писателей, около храма Венеры на горѣ Эрикѣ или около храма сирійской богини въ Тераполѣ (Фаррарѣ). Во дворахъ храма тѣнились стада жертвенныхъ животныхъ, устраивались плетенныя клітки, наполненныя голубями, а подъ тѣнью аркообразныхъ сводовъ, образуемыхъ четырьмя рядами коринтскихъ колоннъ, мѣнялы ставили свои столы съ кучками различныхъ мелкихъ монетъ. Дворы храма наполнялись звономъ—отъ скота; мычаніе воловъ, блеяніе овецъ, звонъ монетъ, споръ и пререканія на разныхъ языкахъ—заглушали звуки пѣнія и молитвъ, и домъ Всевышняго по истинѣ, превращаясь временами „въ вертепъ разбойниковъ“. О томъ, какія чувства возбуждались въ душахъ истинныхъ ревнителей закона указаннымъ зрѣлищемъ оскверненія храма, свидѣтельствуешь извѣстный евангельскій разсказъ. „Приближалась Пасха іудейская“, говоритъ евангелистъ, „и Іисусъ пришелъ въ Іерусалимъ и нашелъ, что въ храмѣ продавали воловъ, овецъ и голубей, и сядѣли мѣновщики денегъ. И едѣлавъ бичъ изъ веревокъ, выгналъ изъ храма всѣхъ, также и овецъ, и воловъ, и деньги у мѣновщиковъ разсыпалъ, а столы ихъ опрокинулъ; и сказалъ продающимъ голубей: возьмите это отсюда и дома Отца Моего не дѣлайте домомъ торговли“ (Іоан. 2, 13—16, ср. Лук. 19, 45; Марк. 11, 15; Мо. 21, 12).

Наполняясь тысячами богомольцевъ, собиравшихся со всѣхъ концовъ свѣта, Іерусалимъ въ великіе праздники становился по истинѣ „городъ шумный, волнующійся, городъ ликующій“, какъ называетъ его пророкъ (Ис. 22, 2). Святость дней, торжественность богослуженія создавали особый религиозный подъемъ. Пользуясь этимъ, въ синагогахъ и въ

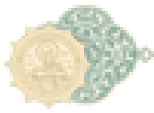
галлереяхъ храма выступали разнообразныя проповѣдники и излагали свое ученіе собраншемуся народу (Ср. Лк. 2, 46). Кто желалъ распространенія своему ученію, для того не было лучшаго мѣста, чѣмъ Іерусалимъ въ праздничныя дни. Безъ сомнѣнія, поэтому именно и Господь Іисусъ Христосъ на каждую пасху приходилъ въ св. городъ и выступалъ здѣсь съ своею проповѣдью и чудесами.

Но Іерусалимъ питалъ не одни религіозныя чувства пришельцевъ. Съ именемъ свящ. города для народа связывалась вся его прошлая исторія и воспоминанія о той самостоятельности, которой онъ нѣкогда пользовался. Іерусалимъ былъ національною святыней Израиля, здѣсь все напоминало о быломъ величіи и потому и видъ его пробуждалъ самыя пламенныя патріотическія чувства. Въ послѣдніе годы существованія библейскаго Іерусалима, когда народъ страдалъ подъ тяжестью римской власти и подъ гнетомъ злоупотребленій императорскихъ намѣстниковъ, эти чувства были особенно напряжены. Въ великіе праздники въ Іерусалимѣ создавалась атмосфера столь повышенная, что каждый часъ можно было ждать безпорядковъ или даже большаго народнаго движенія. Нервная, охваченная религіознымъ и національнымъ фанатизмомъ толпа богомольцевъ слишкомъ легко поддавалась всякимъ вліяніямъ. Изъ евангенія мы знаемъ, съ какою легкостью удалось народнымъ вождямъ использовать такое настроеніе Іерусалимской толпы въ дѣлѣ суда надъ Господомъ нашимъ. Тѣ самыя люди, которые въ порывѣ благоговѣйнаго восторга утиляли своими одеждами путь Христу и прииѣтствовали Его радостными кликами: „Осанна Сыну Давидову“, чрезъ нѣсколько дней, подбужденные первосвященниками и книжниками, уже требовали распятія Христа и принимали кровь Его на себя и на своихъ дѣтей! Тотъ самый народъ, который всѣми силами души ненавидѣлъ императора и приходилъ

въ неистовую ярость отъ одного вида римскихъ орловъ,— какъ мы знаемъ изъ евангелій, у судилища Пилата готовъ былъ поклиться въ вѣрности Риму и кричалъ: „пѣтъ у насъ царя кромѣ кесаря“ (Іоан 19, 15)

Въ послѣдніе годы существованія Іерусалима— не однократно и горячіе самоотверженные ревнители народной свободы, и самообольщенные фантазеры и ловкіе авантюристы стремились вызывать народныя броженія, пользуясь обостренностью національнаго чувства. Одинъ уводилъ толпы народа къ Іордану, чтобы совершить здѣсь чудесный переходъ черезъ рѣку въ знаменіе скорago наступленія свободы; другой собиралъ массы на Елеонской горѣ, обѣщавъ показать, какъ, по его слову, падутъ стѣны Іерусалима; иные уводили легковѣрныхъ въ пустыню, гдѣ должно было открыться Мессіанское царство. Всѣ эти движенія обыкновенно происходили въ великіе праздники, когда Іерусалимъ наполнялся толпами пришельцевъ. Вотъ почему, іерусалимскіе праздники доставляли не мало заботъ римскимъ намѣстникамъ въ Іудеѣ. Обыкновенно римскіе прокураторы считали своимъ долгомъ на большіе праздники лично явиться въ Іерусалимъ. Гарнизонъ города къ этимъ днямъ значительно усиливался. Такъ-какъ народное движеніе прежде всего могло вспыхнуть именно въ храмѣ, то прокураторы поселялись вблизи храма, въ крѣпости Антоніи, и отсюда внимательно наблюдали за всѣмъ, что дѣлается въ храмѣ (Войн. Іуд. V, 5, 8), дабы въ первую же минуту принять мѣры къ подавленію возстанія. По этимъ именно побужденіямъ, въ дни страданій Господа, Понтій Пилатъ оказался въ Іерусалимѣ и остановился въ крѣпости Антоніи, гдѣ и совершалъ несправедливый судъ надъ Іисусомъ Христомъ.

Описанная выше обстановка іерусалимскихъ праздниковъ, заставившая Пилата лично явиться въ городъ, безъ сомнѣнія, повлияла и на исходъ его суда. Знакомый по

прежнимъ опытамъ съ фанатизмомъ іерусалимской толпы, знавшій, какія крупныя движенія возгорались въ Іерусалимѣ по малымъ поводамъ, Пилатъ не нашелъ въ себѣ мужества противостать угрожающимъ крикамъ толпы и желая предупредить возникавшее броженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ Кесаревъ гнѣвъ, осудилъ Невпняго на распятіе.

Вл. Рыбинскій.